

Основа ераме

ЗОЛОТАЯ СТРУНА ДЛЯ УЛИТКИ
ПЛАЧ ЛЬВА
ЖИЛА-БЫЛА ОДНА СЕМЬЯ
МЕЛОДИЯ ВСТРЕЧ И РАЗЛУК
АЛАЯ НИТЬ
ИСПОВЕДЬ СТАРОГО ДОМА
КОРОЛЕВА ДВОРА
НЕСЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА
КОГДА ОСЫПАЕТСЯ ЯБЛОНЕВ ЦВЕТ
ВСЕГДА БЫВАЕТ ПЕРВЫЙ РАЗ
ИСТОРИЯ СТРАННОЙ ЛЮБВИ
ИДЕАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ
И ВСЕ-ТАКИ ЭТО СУДЬБА

ЛАРИСА РАЙТ

КОРОЛЕВА
ДВОРА

РОМАН

Москва
2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р18

Художественное оформление серии *А. Старикова*

В оформлении обложки использована фотография:
ferlistockphoto / Istockphoto / Thinkstock /
Gettyimages.ru

В оформлении серии использована иллюстрация:
Igor Plotnikov / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Райт, Лариса.

Р18 Королева двора : роман / Лариса Райт. —
Москва : Издательство «Э», 2015. — 384 с. —
(Островок счастья. Романы Л. Райт).

ISBN 978-5-699-83473-0

Первый красавец двора Мишка Полуянов привлекал внимание многих девчонок. В него влюбились и отчаянная Ксанка, и застенчивая, неуклюжая Верочка. Сам же Мишка смотрел только на Дину. А Дина... Дина любила балет.

Прошло время, все герои этой истории давным-давно повзрослели, но отношения между ними остались по-прежнему запутанными...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ройтбурд Л., 2015

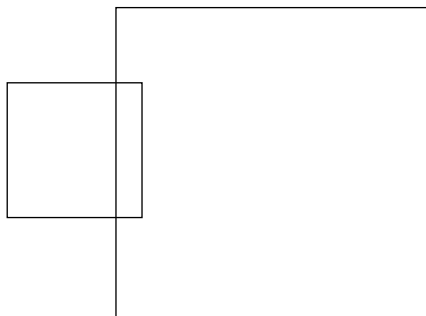
© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2015

ISBN 978-5-699-83473-0

«Воображение есть бурный океан,
по которому человек плавает
часто на авось. Следует ли удивляться
частым его кораблекрушениям?»

Н. А. Добролюбов

— *у*

1

падет, ой, упадет! Смотри, Ксанка, разобьется ведь сумасшедший! — Перепуганная Верочка дергала подругу за руку и показывала туда, куда были устремлены глаза всех ребят во дворе.

Мишка Полуянов — хулиган и двоечник (в виду исключительно лени и отсутствия должного родительского контроля, а не мозгов) — только что перебрался с крыши гаража на забор, вдоль которого понизу сплошной чередой тянулись битые стекла, ржавые железки, увесистые булыжники и еще много всякого опасного для жизни мусора. Но парень вниз не смотрел, он балансировал на узком бетоне, медленно передвигаясь, высоко закинув голову, подставив свое и без того испещренное веснушками лицо жаркому летнему солнцу и загадочно улыбаясь неведь чему, будто эта рискованная прогулка была делом самым обыкновенным, во время которого вполне можно отвлечься и помечтать о чем-то своем.

7

— Упадет дурачок! — твердила Верочка с типичной женской интонацией, объединяющей в себе и умиление, и восхищение, и искреннее, нескрываемое волнение.

— Да ладно тебе, Верка, каркать. — Подруге наскучили ее причитания. Она отвела руку, которую Вера не переставала дергать, и равнодушно отвернулась от забора. — Что ему будет-то? Выпендривается, да и только.

— Ничего не выпендривается! — Верочка все восприняла на свой счет, даже зарделась. «А что, если и правда он из-за кого-то... А вдруг из-за меня! А хоть бы и так! Ох, если бы действительно из-за меня, тогда бы...»

— Точно, выпендривается! Было бы из-за кого! А то ни кожи ни рожи.

Верочка потупила маленькие глазки, задышала часто курносый носом. Неужели правда из-за нее на забор забрался? Это ведь у нее ни кожи, ни рожи, ни фигуры — колобок, да и только.

— Из-за кого? — переспросила, затаив дыхание.

— А ты не заметила? Гляди, там, — теперь уже Ксанка больно дернула подругу за руку, — в первых рядах. Да не туда смотришь! Там Светка с Надькой. На кой они Мишке сдались — перwokлашки. Левее, да еще левее. Что ты на Борьку уставилась?! Будет Мишка на забор из-за него сигать! Да вон же рядом с бабой Шурой стоит, ну с пучком, видишь теперь?

— Вижу. — Верочка вытянула шею, стараясь рассмотреть получше ту, на кого показывала Ксанка. Девочка была невысокой и очень стройной, даже худой, похожей на статуэтку, способ-

ную сломаться даже от легкого дуновения ветерка. Шея такая длинная и тоненькая, что оставалось совершенно непонятным, каким образом она выдерживает заметную тяжесть волос, скрученных на затылке в тугой узел. Верочка, как ни пыталась, ничего больше разглядеть не смогла. Девочка стояла к ним спиной и, судя по задранной вверх голове, так же, как все собравшиеся, не сводила глаз с отчаянного мальчишки на заборе.

— Кто это?

Ксанка должна быть в курсе. Ее мать работала в домоуправлении и, конечно, все про всех знала.

— Балерина. — Ксанка постаралась вложить в голос максимум презрения, хотя не испытывала его ни к самому искусству, ни к людям, им занимающимся.

— Балерина... — замороженно повторила Верочка и еще больше вытянула шею, чтобы уловить хотя бы какие-то черты той, что стояла в партере.

Словно повинувшись Вериному тайному желанию, девочка обернулась, скользнула по ним взглядом и снова вернулась к созерцанию Мишкиных кульбитов. Перед Верочкой промелькнули тонкие, будто нарисованные черным карандашом брови, темные большие глаза и маленькая мушка над верхней губой.

— Красивая, — зачарованно протянула Вера.

— Вот корова, — беззлобно укорила подругу Ксанка. Ее раздражала Веркина незлобивость и покорность всему происходящему. Весь двор в курсе ее влюбленности, а она будет восхищать-

ся той, к которой неровно дышит объект ее девичьих грез. Ну, не корова ли? — Корова и есть.

— Красивая, — повторила Верочка теперь уже с грустью, не забыв напомнить себе о том, что завидовать плохо.

— Да что в ней такого красивого?! — Ксанка не любила, когда подруга расстраивалась. Это грозило уходом домой и слезами в подушку. Без Верочки ей во дворе стало бы скучно. На голубятню мать запретила лазить еще неделю назад, на кино не было денег, а в реке обнаружили кишечную палочку и поставили на берегу табличку «Купаться запрещено». В другое время Ксанка, может, и плюнула бы на табличку, но очередное ослушивание грозило отлучением не только от голубятни, но и от улицы вообще, а потому позволять подруге расстраиваться было никак нельзя. Если она решит предаться горю, Ксанке не останется ничего другого, как отправиться домой и читать очередную муру из списка внеклассной литературы. Список состоял из тридцати заданных на лето произведений, из которых одолела она со скрипом, слезами и скандалами не больше пяти. Нет, она не могла позволить Верочке уйти и с жаром принялась исправлять допущенную оплошность.

— Да ты приглядиись, Верунь, — жердь, да и только. — Это не были просто слова. Ксанка, крепкая, ладно сбитая, с уже начавшей оформляться к одиннадцати годам грудью, на самом деле считала худышек несчастными, а Верочкину полноту — скорее достоинством, нежели недостатком.

— Подумаешь, жердь. Зато глаза какие! И смотрит на него.

— На него все смотрят, хотя, по-моему, спектакль давно перестал быть интересным.

Словно в подтверждение ее словам балерина опустила голову, протиснулась между Борькой и тетей Шурой и пошла прочь.

— Ишь ты! — Ксанка почувствовала, как против воли в ней появилось уважение к незнакомой девочке. — Видишь, — она с энтузиазмом пихнула Верочку в бок, — ей плевать на твоего Мишку. У них в балете небось и не такие па выдывают.

— Ничего не на моего, — не преминула покраснеть Верочка, но все же заулыбалась. Маленькая балерина уходила, не оборачиваясь, совершенно не заботясь о том, чем закончится Мишкино восхождение. А значит, можно было продолжать мечтать, что когда-нибудь вместо дежурного «Привет, колобок!» он скажет: «Здравствуй, Вера», и тогда...

— Все, концерт окончен. Не бойсь, целехонек твой Ромео. — Ксанка небрежно дернула рукой в сторону забора — Мишка понуро стоял уже на другой крыше. — Пойдем отсюда!

— А куда? — Верочка, наконец, переключила внимание на подругу.

— Да куда угодно! Лишь бы подальше отсюда.

— Ой! Подальше нельзя. Мне мама сказала сегодня в центр не ездить. Там Высоцкого хоронят.

— Кого? — Ксанка была хорошей актрисой. В то время невозможно было поверить, что

кто-то не знал этой фамилии, но Верочка — образец наивности — поверила:

— Ты что, не знаешь?!

— А надо? — Недоумение было изумительным. Ксанку похвалил бы сам Станиславский и еще рассказал бы о ней Немировичу, как его там... Датченко... Дарченко, да, в общем, все равно.

— Да ты что?! Он же такой актер, и поэт, и песни пел. У тебя разве родители на Таганку не ходят?

— В тюрьму, что ли?

— Издеваешься, да? — Это перебор даже для доверчивой Верочки.

— Ты про театр? Нет, не ходят. — Это уже чистая правда. Театралами Ксанкиных родителей назвать было нельзя.

— А мои «Гамлета» видели. Жаль, детей на вечерние спектакли не пускают. Но я зато кассеты его слушаю и кино смотрела. Неужели ты «Вертикаль» не смотрела? Он там еще про скалолазочку поет.

— Не смотрела. — Ксанке наскучило врать. Она и фильм видела, и песню знала, но ей необходимо было уйти со двора и Верочку увести. — А что, у тебя кассеты есть?

— Ага.

— Пойдем, послушаем?

Верочка в последний раз обернулась к забору. Конечно, ей ужасно хотелось, чтобы Мишка заметил ее восхищенные глаза, чтобы понял, что она не ушла, как та, другая, не бросила его, а осталась до последнего, волнуясь и беспоко-

ясь, и переживая, но все же возмущение невежеством подруги оказалось сильнее:

— Пошли. — Она решительно направилась к подъезду. — Я тебе романсы поставлю.

— Романсы? — Теперь Ксанке не надо было притворяться. У них в доме кроме «...гляди-кась, попугайчики» да «в желтой, жаркой Африке...» редко что можно было услышать.

— Тебе понравятся. — Верочка открыла дверь, и Ксанка, прежде чем нырнуть в прохладный мрак подъезда, все же не удержалась: обернулась и тут же вздохнула с облегчением, увидев, как долговязая Мишкина фигура слезает с крыши гаража. Слава тебе, Господи, дошел, не расшибся. И слава тебе, Господи, никто не заметил ее напряжения, никто не угадал ее чувств — ни Верочка, ни Мишка, ни остальные ребята и ни эта противная новенькая, ради которой не обращающий никакого внимания на дворовых девчонок мальчишка вдруг устроил целый спектакль. Но это только Верочка способна рыдать в подушку и бескорыстно восхищаться соперницами. Ксанка другая: непокорная и не ждущая ударов. Уж кто-кто, а она и сама способна врезать кому угодно.

— Оксан, ты слушать будешь? Сама же просила, — Верочка обиженно поджала губки, — и где-то витаешь.

— Здесь я, запускай.

Ксанка забралась с ногами на диван, прижала черные пятки к светлому пледу, который Верочкина мать, библиотекарь, стирала каждую неделю и отказывалась менять на другой, более практичный, исключительно из-за того, что в од-

ной очереди за этими пледами с ней стояла женщина, которая рассказала, что с какими-то ее родственниками соседствует Белла Ахмадулина. И вот поэтесса приобрела точно такой же. Мама Верочки рассказу об Ахмадулиной поверила. И казалось ей, что наличие пледа приближает ее к кумиру, а потому она покорно стирала, сушила, гладила, не растрачивая энергию на ругань из-за темных пятен на белой шерсти. Ксанка еще повозила пятками по дивану: ноги чесались. До начала Мишкиного восхождения она как раз влезла в крапиву. Кто-то из малышей крикнул Верочке вслед «Колобок», и Ксанка мгновенно ринулась за жгучей травой, чтобы наказать обидчика. Обожгла и руки, и ноги, и даже лицо, а Верочка так разохалась, что даже не заплакала из-за ненавистного прозвища. Ну а потом уже все заметили Мишку и забыли обо всем на свете. А Ксанка забыла еще и о крапиве. А теперь вот вспомнила и неторопливо втирала грязь со своих пяток в светлый плед, слушая, как хриплый голос собирается постелить влюбленным поля. Ксанка бы тоже влюбленным кое-что постелила. Но не поля, конечно, а ленту с гвоздями, например. Жаль, нет у нее такой ленты.

— Жаль, что нельзя пойти на похороны, — вздохнула Верочка. — Народу тьма и еще Олимпиада.

— Жаль, — откликнулась Ксанка, и Верочка, конечно же, не заметила, что ответила подруга вовсе не ей, а каким-то своим сокровенным мыслям.

Наде Сизовой не было никакого дела до похорон поэта. Нет, пожалуй, дело все-таки было. Тьма народа, тянувшаяся со всех сторон к Ваганьковскому кладбищу, заполонила близлежащие улицы. И теперь, глядя на печальных людей, сжимавших в руках по четыре поникшие гвоздички и плотными рядами двигавшихся по улице, Надя испугалась, что поток подхватит ее и унесет, а ей необходимо было идти в обратном направлении. Если бы не похороны, она дошла бы до Беговой, села бы на автобус и доехала до зоопарка минут за пятнадцать. Но сейчас рисковать не стоило. Надя отпросилась пораньше, хотя должна была дежурить еще полчаса, и старшая медсестра, узнав, куда направляется девушка, посоветовала:

— Иди к «Динамо». До улицы Горького, а там в метро. Все надежнее будет. — А потом уже пожалала плечами и пробормотала потише, так, чтобы Надя не слышала: — В такой день, и в зоопарк.

Надя услышала. День для посещения зоопарка был, на ее взгляд, самым замечательным: в зоопарке будет относительно немногочленно, так что и к клеткам можно будет подойти беспрепятственно, и просто посидеть в уединении на скамейке у пруда. Да и потом, если бы не похороны, не было бы ни зоопарка, ни тем более уединения. Соревнования никто не отменил бы, и сидел бы Джузеппе сейчас в своей Олимпийской деревне и ел бы сваренные в столовке слипшиеся макароны и рассказывал бы Наташке о том, что у них в Италии макароны называ-